

Сергей Герман ВНУТРИЛАГЕРНАЯ ВОЙНА МЕЖДУ «ИДЕЙНЫМИ» И «ОТКОЛОВШИМИСЯ» ВОРАМИ В ПЕРИОД 1947–1953 ГГ.

Введение

Вряд ли у кого-то возникнет обоснованное желание сомневаться в необходимости изучения советской тюремно-лагерной системы. Возможно, что именно при этом исследовании будут выявлены дополнительные механизмы тоталитарного режима советского периода России.

Устройство и функционирование тюрем и лагерей в полной мере раскрывает нам структуру самого террора, его механизм и последствия. И очень показательным, что символом государственного террора в целом стал ГУЛАГ, пусть крупная, но далеко не основная структура в советской репрессивной системе.

Весь послевоенный период середины 40–50-х годов в отечественной истории прочно ассоциируется с эпохой ГУЛАГа.

Изначально эта аббревиатура означала «Главное управление лагерей», но со временем под

Этим словом стали понимать не только административный орган, управлявший лагерями, но и всю советскую пенитенциарную систему во всех формах и разновидностях: «исправительно-трудовые» лагеря, штрафные лагпункты, лагеря для уголовных и политических, женские, детские, следственные и пересыльные тюрьмы и т. д.

В ещё более широком смысле ГУЛАГ стал означать всю советскую репрессивную систему в целом: аресты, допросы, этапы, пересылки, «столыпинские» вагоны, рабский подневольный труд в местах лишения свободы, ссылки, раннюю смерть.

Изучение советских лагерей имеет длительную историографическую традицию, заслуживающую отдельного и подробного анализа. В многочисленных научных, политологических и художественно-публицистических трудах с разных позиций и на основе разных источников описывались общие тенденции пенитенциарной политики СССР, ее обобщенные количественные показатели, дебатировались вопросы о месте лагерной экономики в развитии советской политико-экономической системы.

В разные годы ГУЛАГ находился в ведении ОГПУ СССР, НКВД СССР, МВД СССР, МЮ СССР. Полное название главного управления

менялось в зависимости от входивших в его состав структурных подразделений, например, с 1934 г. по 1938 г. главк именовался Главное управление лагерей, трудовых поселений и мест заключения, а с 1939 г. по 1956 г. — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний.

В ведении НКВД — МВД СССР наряду с ГУЛАГом находились и другие главные управления лагерей, большинство из которых были образованы в 1940-е годы на базе производственных отделов ГУЛАГа.

Специализированные лагерно-производственные управления, такие как Главное управление лагерей горнометаллургических предприятий (ГУЛГМП), Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП), Главное управление «Енисейстрой» и ряд других, имели в своем подчинении десятки лагерных подразделений с сотнями тысяч заключенных. Используя преимущественно принудительный труд заключенных, они осуществляли крупные экономические проекты, чаще всего военно-промышленного характера.

В крайне сложной системе советского социума особое место принадлежало исправительно-трудовым учреждениям (ИТУ) страны, которые представляли собой звено, в

первую очередь, политической юстиции в СССР. Лагеря, тюрьмы, колонии, следственные изоляторы представляли собой важный элемент репрессивного механизма, инструмент устрашения и запугивания населения. При этом на протяжении нескольких лет не просто давать им оценку, но и каким-то образом изучать не разрешалось. Данная тема была однозначно вынесена за рамки научного изучения, что сегодня повышает ее актуальность.

Производственная база самого ГУЛАГа была относительно невелика. Но именно от ГУЛАГа, в первую очередь, зависело выполнение плановых заданий всех лагерно-производственных управлений. Такая зависимость объяснялась тем, что ГУЛАГ был «главным хранителем» «рабочего фонда», он руководил учетом, распределением и перераспределением заключенных всех исправительно-трудовых лагерей НКВД-МВД СССР, в его функции входило комплектование лагерей рабочей силой, обеспечение режима содержания и охраны заключенных, снабжение лагерей продуктовым и вещевым довольствием. Эти функции делали ГУЛАГ ключевым звеном в организационной структуре органов исполнения наказания, ориентированных на трудовое использование заключенных¹.

¹ Иванова Г.М... ГУЛАГ в советской государственной

Еще с перестроечных времен неизменным остается интерес к истории ГУЛАГа и пенитенциарной системе в СССР, правда, если ранее он имел скорее разоблачительный и публицистический выход, то в настоящее время он становится предметом именно научного изучения. Это связано с тем, что Россия продолжает переживать масштабные трансформации своей правовой системы, в ходе которых значительные изменения затрагивают уголовно-исправительную сферу.

При этом необходимо отметить, что в отечественной историографии тема ГУЛАГа изучалась практически только с точки зрения существования значительной по своему количеству группы политических заключенных. История ГУЛАГа сама стала использоваться как инструмент идеологической борьбы против тоталитарного режима, порождением которого он был. При этом из сферы научного изучения опять же была изъята определенная часть этой истории — историки отдавали предпочтение «высокой» теме политических заключенных и совершенно закрывали глаза на существование «низкой темы»

— темы уголовного мира в системе ГУЛАГа. Между тем, в данной системе крайне сложно отделить «высокое» от «низкого», поскольку все было крайне запутано и тесно переплетено. Ярчайшим примером этого стала так называемая «сучья война», оказавшая огромное влияние на становление криминальной субкультуры в нашей стране.

В современных условиях социальная значимость изучения истории пенитенциарной системы в СССР велика ещё и потому, что люди, которые прошли тюрьмы и ИТУ, сыграли (особенно в эпоху «лихих 1990-х») весьма значительную роль в жизни российского общества. Пропустив через себя миллионы людей, ГУЛАГ превратился в машину по воспроизводству и тиражированию бандитствующих паразитов и став рассадником уголовной преступности.

В настоящее время в обществе не так уж и мало носителей тюремной субкультуры. По некоторым оценкам, заключенные и бывшие осужденные составляют до 20–25 % активного населения².

² Юрченков, Роман Валерьевич. ГУЛАГ и пенитенциарная система в СССР в 1930-х — первой половине 1980-х годов: на примере ТЕМЛАГа-ДУБРАВЛАГа: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Юрченков Роман Валерьевич;

Криминальная субкультура в России является объектом и криминологического, и оперативно-розыскного, и художественного познания. Периодизацию истории российской криминальной субкультуры можно составить в зависимости от политико-экономической ситуации в стране:

- 1) дореволюционный период до 1917 г.;
- 2) послереволюционный период — во время и после Гражданской войны (1917–1922 гг.);
- 3) появление «воров в законе» — 1920–1930 гг.;
- 4) участие воров в Великой Отечественной войне, что вызвало «Сучью войну» в середине 1940–1950 гг.;
- 5) массовая реабилитация «врагов народа» — 50–60 гг. XX века;
- 6) возникновение и развитие «семей» — 70–80 гг. XX века;
- 7) установление криминальной власти в 1990 гг., когда уголовные авторитеты или их представители стали губернаторами, мэрами, депутатами и т. п.

Предметом изучения в данной работе является

так называемая эпоха «сучьих войн», объектом изучения — борьба между криминальными группировками в системе ГУЛАГ в послевоенный период.

Но в опубликованных материалах, посвящённых «сучьей войне» слишком много эмоций и слишком мало документов. В воспоминаниях непосредственных участников тех событий: Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Евгении Гинзбург, Льва Разгона отбывавших наказание по политическими статьям и не вхоживших в круг ни «воров» ни «сук», а также более позднего исследователя, Александра Сидорова (Фима Жиганец) преобладают «рассказы о рассказах», т. е. воспроизводится некая информативная реальность, которая принимается за истину и почти отсутствует аутентичность — присутствовал, видел, запомнил.

В этом отношении вызывают доверие лишь воспоминания Вадима Туманова, который сам был непосредственным участником тех событий, принимал непосредственное участие во внутрилагерном протвостоянии и из 8 лет нахождения в колымских зонах более 5 лет провел в штрафных лагерях. Кроме того, заслуживают внимания воспоминания Анатолия Жигулина, талантливого писателя, отбывавшего наказание в Тайшетлаге (Иркутская область и на Колыме, где

он провёл три каторжных года. Здесь он стал свидетелем завершения «Сучьей войны»).

Но все эти рассказы базируются на испытанном на собственной шкуре опыте или со слуха, но никак не на документах.

В свете опубликованных мемуаров людей прошедших ГУЛАГ никак не просматривается образ мятежного «политика». Странная ситуация, в которой люди обвиняемые в подготовке убийств первых лиц советского государства и подготовке к свержению власти, в местах лишения свободы в основном вели аморфный образ жизни. Большинство из них не только не помышляли о свержении советской власти, но даже не сопротивлялись произволу лагерного начальства.

Основные роли в событиях 1947–1953 гг. названных в последствии «сучьими войнами» играли блатари (как «законники», так и «суки»), оуновцы, кавказцы (среди них особо выделялись «чечены»), прибалты и, наконец, власовцы. Именно их беспощадная борьба — в первую очередь друг с другом, но также и с низами лагерной администрации, включая «придурков», — заполнила собой страницы тома. Не свобода, а контроль над зоной, улучшение собственных бытовых условий в лагерном аду — за счет кого угодно и чего угодно — и были тем главным призом, за который так ожесточенно они рубились

и дрались. Историография до сих пор по этому поводу почти полностью отмалчивалась.

С середины 1930 годов пенитенциарные исследования в СССР становятся закрытой темой. Теоретические предложения выдвигают не учёные и практики, а политики. Пожалуй впервые в обобщённом виде имеющие отношение к исследуемой проблеме документы были собраны в изданиях: А. А. Герцензон и др, «История советского уголовного права» (М., 1947) «Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг»(М., 1953) и сборник нормативных документов по советскому исправительно-трудовому праву» (М.,1959). До этого, да и в значительной степени после этого, в общедоступном информационном поле отмечается почти полное затишье.

В 1960–1980-е годы исследование организации и деятельности тюремно-лагерной системы СССР неспециализированными органами не поощрялось. На подавляющей части соответствующих документов стоял гриф «Секретно» либо «Для служебного пользования». Поэтому разработкой проблемы в основном занималось небольшой число ведомственных

научных работников МВД.³

Но вместе с тем, отсутствие в широком доступе гулаговских документов о тех событиях нельзя никак считать подтверждением того, что все рассказы о «сучьей войне» являются легендами ГУЛАГа.

Вместе с тем, не стоит забывать о том, что тенденция сохранять в тайне от высшего начальства любое ЧП была обычной для бюрократии того времени и в особенности для системы ГУЛАГ особенно. В распоряжении МВД СССР № 313 «О порядке представления донесений об уголовно-бандитских проявлениях в лагерях и колониях МВД СССР» от 2 февраля 1952 года прямо говорилось «За последнее время отмечены случаи, когда некоторые министры внутренних дел республик начальники краёв и областей и начальники лагерей не доносят в МВД СССР об уголовно-бандитских проявлениях, групповых неповиновениях, совершаемых уголовным элементом убийствах заключённых, честно оаботающих в лагерной обслуге, на низовых производственно-хозяйственных должностях и активно помогающих

3 Реент Ю. А. Жигалев А.В. Монография «Исправительно-трудовая система Советской России в довоенный период (1921–1940 гг)».

лагерной администрации в укреплении режима и трудовой дисциплины в лагерях».⁴

Изучение документов конца 1940-х годов показывает, что за дипломатической формулировкой о «случаях», отмеченных за «последнее время», стояло в действительности массовое явление.

Кроме того, по признанию гулаговских особистов в ГУЛАГе вообще не велось точного учёта лиц, привлечённых к уголовной ответственности, а также числа совершённых преступлений»... Во всяком случае, когда в 1957 году первому отделу ГУИТК МВД СССР понадобилось обобщить сведения о лагерной преступности, массовых волынках и беспорядках в лагерях на ребеже 1940–1950-х годов, они оперировали в основном случайными примерами, наудачу извлечёнными из архива ГУИТК, а иногда и личными воспоминаниями (например, о существовании в то время лагерных зон, куда представители лагерной администрации не решались заходить ⁵ .») Систематизированной и собранной в одном месте информации в их

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.1 Д.489. Л. 30

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 8. Д... 103. Л. 73

расоряжении попросту не было, как не было и цельного комплекта архивных документов.

Огромное число статей и мемуаров описывает конкретные лагерные сюжеты и судьбы заключенных. В последнее время появились серьезные работы, посвященные институциональным и региональным аспектам проблемы. Однако при этом мы так до сих пор и не знаем в точности, сколько же было лагерей в Союзе, где они находились, как они возникали и умирали, чем занимались и сколько заключенных содержалось в каждом из них (даже базовый термин лагеря до сих пор употребляется крайне расплывчато, соответствуя в различных описаниях объектам самого разного уровня — от отдельного лагерного пункта до региональной лагерной агломерации).

Восполнить этот пробел — цель настоящей работы.

1. Влияние Великой Отечественной войны на раскол среди заключенных ГУЛАГа. Начало и причины раскола

Уголовный мир всегда был неоднороден. В его структуре существовали своя иерархия, свой табель о рангах и свои законы преступного мира.

Данная система напоминала пирамиду, верхнюю ступень занимали профессиональные преступники — урки, блатные.

В их числе были воры в законе — элита преступного мира, выработавшая сложный кодекс правил и обычаев, который возник до ГУЛАГа и пережил его.

«Воры в законе», «законники» представляли собой вершину преступного мира в СССР и не имели ничего общего с подавляющим большинством заключенных ГУЛАГа, сидевших по уголовным статьям.

Несмотря на то, что в период «Большого террора» уголовному миру и его иерархам был нанесен тяжёлый урон к периоду начала «сучьей войны» в местах лишения свободы находились тысячам воров-заканников и десятки тысяч последователей воровской идеи.

А урон и в самом деле был нанесён немалый. За период с 5-го августа по 31-ое декабря 1937 г. в одной только Ленинградской обл. по приговорам Особых троек УНКВД было осуждено 4016 воров-рецидивистов, из которых 599 человек имели 5 и более судимостей, 1362 человека — 3–4 судимости. Больше половины из них было расстреляно, остальные получили по 5–10 лет лагерей. Всего уголовников осудили в ЛО: к ВМН — 2900 человек, к ИТЛ — 4200 человек. За тот же

период в Киевской обл. было репрессировано около 1000 воров-рецидивистов, в Ярославской обл. — около 600 воров-рецидивистов, — и в том, и в другом случае расстреляно около половины. Но все «рекорды» бьет Московская обл., где Секретарь Московского обкома ВКП(б) Н. С. Хрущев в июле 1937 г. планировал репрессировать 33 436 уголовников (80,9 %) из общего числа в 41 305 человек, которых предстояло осудить по плану на МО в ходе операции против «кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 6500 уголовников он отнес к первой категории (расстрел) и 26 936 — ко второй (заключение).

В действительности же, к 1-му января 1938 г. уголовники составили 56,3 % от 36 813 осужденных, в том числе 4120 человек были приговорены к вышке и 16 597 — к лагерям. В данных по МО число уголовников не разбито по мастям и количеству судимостей, но, если принять процентные соотношения такими как в ЛО, то получится, что количество воров-рецидивистов с 5-ю и более судимостями, расстрелянных с августа по декабрь 1937 г. в МО, составляет не менее 200 душ (с той же пропорцией по Союзу в целом — более 2000 душ за неполные полгода)... Членами судебных троек, существовавших в 1937–1938 гг. во всех 64-х республиках, краях и областях СССР, выступали, как правило, начальник местного

УНКВД, секретарь областного/краевого комитета ВКП(б) и областной/краевой прокурор. Выдержка из типичного обвинительного заключения дает представление о круге преступников, осуждаемых тройками: «Иванов Иван Иванович обвиняется в том, что с 1937 г. общественно-полезным трудом не занимается, определенного места жительства и рода занятия не имеет, гастролит по городам, рабочим поселкам, обитаясь на вокзалах, базарах, магазинах, систематически занимаясь карманными кражами денег и документов у трудящихся, имеет тесную связь с уголовно-преступными элементами. Ведет бродячий образ жизни и не имеет при себе никаких документов в подтверждение своей личности».

...Осенью 1937 г. 300 заключенных СЛОНа (на тот момент — СТОН ГУГБ НКВД СССР) вывезли в г. Ленинград, где по приговору Особой тройки УНКВД ЛО от 25.11.1937 г. всех осудили к ВМН. Расстреляли там же в один день 08.12.1937 г...

Некоторые из них:

Вороненков Федор Николаевич (он же Царев Федор Николаевич, он же Куява Михаил Васильевич), 1909 г. р., уроженец Каширского р-на Московской обл., русский, беспартийный, без определенных занятий. Неоднократно судим и бежал из мест заключения. Тройкой ПП ОГПУ по

Московской обл. 10.03.1931 г. осужден по ст. 59–3, 82, 19–162-г УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. 16.04.1933 г. переведен в штрафизолятор на 2 года и направлен в СЛОН.

Чурин Иван Яковлевич, 1904 г. р., ур. Ногинского р-на Московской обл., русский, беспартийный, из рабочих. Тройкой ПП ОГПУ 31.03.1932 г. осужден по ст. 162 УК РСФСР как СВЭ на 3 года ИТЛ. Коллегией ОГПУ 13.07.1934 г. осужден за групповой побег и вооруженное сопротивление на 10 лет ИТЛ. Отбывал в СЛОНе.

Тараканов Алексей Михайлович, 1901 г. р., ур. д. Дедково Порховского у. Псковской губ., русский, беспартийный, из крестьян. Нарсудом Шаховского р-на Московской обл. 9.11.1929 г. осужден по ст. 166 УК РСФСР на 8 лет ИТЛ. Бежал из Севлага. Коллегией ОГПУ срок увеличен по ст. 82 ч. 1, 162, 166 на 2 года с содержанием в СЛОНе.

Белкин Михаил Тимофеевич, 1912 г. р., ур. г. Егорьевск Московской обл., русский, беспартийный. Имел 4 судимости. Коллегией ОГПУ 22.10.1933 г. приговорен по ст. 59–3 УК РСФСР к ВМН, с заменой на 10 лет ИТЛ. Отбывал в СЛОНе.

Авдонин Александр Александрович, 1909 г. р., уроженец с. Кушва Верхотурского у. Пермской губ., русский, беспартийный, из рабочих. Коллегией ОГПУ 25.04.1931 г. осужден по ст. 142,

162 УК РСФСР на 5 лет ИТЛ. В СЛОНе дважды осужден по ст. 59–3 на 10 лет ИТЛ с погашением неотбытого срока и лишением зачетов.

Баев Григорий-Георгий Филиппович, 1911 г. р., уроженец г. Симферополь, беспартийный, без определенных занятий. Судим по ст. 162 и 59 УК РСФСР. Тройкой ПП ОГПУ по Крыму 21.04.1934 г. осужден на 5 лет ИТЛ. В СЛОНе дважды осужден по ст. 59–2.

Волков Андрей Тимофеевич, 1914 г. р., уроженец с. Сукромля Рославльского р-на Западной обл., русский, беспартийный, без определенных занятий. Коллегией ОГПУ 13.12.1932 г. приговорен по ст. 59–3 УК РСФСР к расстрелу, с заменой на 10 лет ИТЛ. В СЛОНе судим дважды: по ст. 162-д и 59–3

Киселев Борис Федорович (он же Курочкин Николай Сергеевич), 1910 г. р., уроженец и житель г. Ленинград, русский, из рабочих. Нарсудом Смольнинского р-на 27 декабря 1930 г. осужден по ст. 165 ч. 3 УК РСФСР на 5 лет ИТЛ. Коллегией ОГПУ 11 апреля 1934 г. срок наказания увеличен до 10 лет по ст. 136. Отбывал в СЛОНе.

Конович-Кононович Франц Антонович (он же Овсянников-Криштаховский Михаил Савельевич), 1893 г. р., уроженец г. Смоленск, русский, из рабочих. Коллегией ОГПУ 8 марта 1933 г. приговорен по ст. 59–3 УК РСФСР к расстрелу, с

заменой на 10 лет ИТЛ. Спецколлегией Главсуда Карельской АССР 20.08.1936 г. дополнительно осужден по ст. 59–3 на 5 лет лишения свободы. Отправлен в СЛОН, где 11.08.1937 г. осужден на 4 года тюремного заключения.

Жемедко Иван Николаевич (он же Кленов Григорий Дмитриевич, он же Клепов Григорий Владимирович), 1898 г.р., ур. г. Колпино Лен. обл., беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В августе 1935 г. совершил побег из Белбалтлага. Арестован 21.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Зельманович Михаил Осипович (он же Плинер Давид Михайлович, он же Никитин Михаил Васильевич, он же Резников Леонид Бенсович, он же Кроль Иосиф Самуилович, он же Смирнов Николай Архипович), 1900 г.р., ур. г. Новгород, еврей, беспартийный, без определенных занятий. В апреле 1937 г. совершил побег из Вяземского лагеря. Проживал на ст. Бронницы Московской обл. и в Ленинграде. Арестован 21.06.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Борисов Анатолий Осипович (он же Монахов Николай Иванович, он же Богданов Николай Иванович, он же Назарчук Николай Иванович, он же Мельников Николай Иванович, он же Рудаков

Петр Николаевич, он же Безгодов Николай Георгиевич), 1902 г.р., ур. г. Самара, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. Бежал из г. Мариинск и приехал в Ленинград, где арестован 22.05.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 09.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 11.08.1937 г.

Степанов Василий Степанович (он же Федотов Алексей Петрович), 1904 г.р., ур. д. Ляховичи Залучского р-на Лен. обл., русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 28.07.1937 г. совершил побег из Свирьлага. Арестован 05.08.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Шенин Андрей Сергеевич (он же Дорофеев Василий Петрович), 1906 г.р., ур. д. Слоптово Мошенского р-на Лен. обл., русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 30.05.1937 г. совершил побег из Свирьлага. Арестован 08.08.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Чечурин Дмитрий Алексеевич (он же Афанасьев Николай Александрович, он же Чечурин Дмитрий Иванович), 1906 г.р., ур. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 09.04.1936 г. освобожден из